

РУССКО-ЯПОНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГОТО СИМПЭЙ

Хорошо известно, что Гото Симпэй (после Октябрьской революции активно выступавший в пользу японской интервенции на Дальнем Востоке) был одним из тех, кто немало способствовал нормализации советско-японских отношений в середине 1920-х. Именно в этот период времени в полной мере проявились его неординарные способности сильного политика и умелого дипломата. Политическая деятельность Гото, относящаяся к данному отрезку времени, не раз становилась предметом пристального внимания со стороны исследователей¹.

Период его жизни, предшествовавший Первой мировой войне (совпадающий в основном с периодом его тесного сотрудничества с Кацура Таро²), также хорошо изучен в исторической литературе. В качестве подобных исследований можно назвать монографию Синобу Сэйдзабуро «Гото Симпэй: Жизнь политика с научным подходом» (Гото Симпэй: Кагакутэки сэйдзика но сёгай. Токио: Хакубункан, 1941), четырехтомную биографию Цуруми Юсуке (приходящегося Гото зятем) «Гото Симпэй» (Токио: Кэйсёсёбо, 1965), а также работу Китаока Синъити «Гото Симпэй: Дипломатия и внешнеполитическое видение» (Гото Симпэй: Гайко то видзэн. Токио: Тюко-синсё, 1988)³.

Однако период жизни Гото с 1913 года до его назначения в октябре 1916 года на пост министра внутренних дел в правительстве Тэраути представлен в историографии очень слабо. Одной из причин этого, несомненно, является то, что в указанный промежуток времени он не занимал никаких ответственных политических постов, оставаясь своего рода загадочной «темной лошадкой»: в 1913 году с уходом в отставку кабинета министров Кацура он оставил пост министра путей сообщения, а затем, после внезапной смерти Кацура, вышел и из партии Досикай.

В Японии исторические источники, проливающие свет на жизнь Гото, в целом изучены, однако большинство исследований, к сожалению, ограничиваются изложением фактов его политической биографии, в результате чего его политическая философия, его внешнеполитические взгляды предстают перед нами как нечто застывшее в своем развитии и абсолютно независимое от общественно-политической обстановки той эпохи. Кроме того конкретные политические инициативы и подходы Гото нередко экстраполируются на всю его философию жизни и изображаются в качестве некоего стержня последней. В качестве одной из центральных концепций философии Гото обычно рассматривается так называемая «теория противостояния Нового и Старого света» (СИНКЮ-ТАЙРИКУ ТАЙДЗИ-РОН)⁴. С такой точки зрения, внешнеполитический курс Гото в период Первой мировой войны является ничем иным как отражением этой теории, что представляет собой непростительное упрощение его философии, ведущей к неправильной оценке самой личности этого великого японского политика. Вне всякого сомнения, в политической философии Гото можно отыскать определенные «константы», однако исторический подход требует найти в ней также и изменяемые со временем элементы.

В данной статье автор пытается прояснить роль Гото в русско-японском сближении в период Первой мировой войны, ответив на вопросы о том, как подходил он к проблеме русско-японского сближения и какие аргументы он выдвигал в его пользу. Думается, что на настоящий момент тема эта изучена еще в

¹ См. например: Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962; Lensen G. A. *Japanese Recognition of the USSR: Soviet-Japanese Relations, 1921-1930*. Tallahassee, 1970.

² Влиятельнейший японский политик и военный конца XIX – начала XX века (1847-1913). Выходец из пров. Ямагути (клан Тёсю). Генерал армии. Один из главных инициаторов военной реформы эпохи Мэйдзи. Трижды (в 1901, 1908 и 1912-1913 гг.) возглавлял Кабинет министров Японии. С февраля 1913 года до смерти являлся членом Совета Старейшин (гэнро).

³ В последние годы к теме Гото неоднократно обращался в своих научных работах В. Э. Молодяков. См.: Гото Симпэй и Советская Россия: Новая эпоха евразийской дипломатии // *Takushoku University History Review*, No. 12 (June 2003), pp.1-59; Несостоявшаяся Ось: Берлин – Москва – Токио. М., 2004. С.46-85; Кацура Таро, Гото Симпэй и императорская Россия: По новым материалам // Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) / Под ред. Г. Бордюгова и В. Молодякова. М., 2005. С.39-45; Россия и Япония: поверх барьеров. Незвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005; Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. М.; СПб., 2005; Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть первая. Тайвань, 1898-1906 // Япония. Ежегодник. 2004-2005. М., 2005. С.272-287; Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть вторая. Маньчжурия, 1906-1908 // Япония. Ежегодник. 2005-2006. М., 2006.

⁴ См. параграф 2. Тенденция переоценки «теории противостояния Нового и Старого света» наиболее рельефно проявляется в работах Миякэ Масаки (Юраси гайко-си кэнкю (Исследования истории евразийской дипломатии), Кавадэ сёбо синся, 2000. С.26-33) и Синобу Сэйдзабуро (Тайсё гайко-си но кихон мондай (Основные проблемы дипломатической истории эпохи Тайсё) // Нихон гайко-си кэнкю. Тайсё дзидай (Исследования по японской истории дипломатии. Эпоха Тайсё), 1958. С.1-12).

недостаточной степени.

Первая мировая война и борьба по проблемам внешнеполитического курса в Японии

15 августа 1914 года японское правительство направило Германии ультиматум, требования которого заключались в следующем: 1) вывести незамедлительно из японских и китайских вод германские военные и всякого рода вооруженные суда и разоружить тотчас тех из них, которые не могут быть выведены, 2) передать не позднее 15 сентября японским императорским властям, без предъявления каких-либо условий и без компенсаций, всю арендованную территорию Цзяочжоу в целях последующего возвращения таковой Китаю. 23 августа срок ультиматума истек, и Япония официально объявила войну Германии⁵.

Известно, что вступление Японии в Первую мировую войну произошло в соответствии с внешнеполитической линией министра иностранных дел Като Такааки (1860-1926). Последний считал, что вступление в войну под предлогом англо-японского союза является разумным и выгодным политическим шагом, ибо делает возможным не только сохранение англо-японского альянса в качестве стержня японской внешней политики, но и обеспечивает значительное расширение сферы японского влияния в Восточной Азии.

На открывшемся 8 августа Чрезвычайном заседании Кабинета министров Като в следующих словах отстаивал необходимость вступления Японии в войну на стороне стран Антанты: «На сегодняшний день Япония не находится в ситуации, когда она должна была бы вступить в войну в соответствии с обязательствами по англо-японскому союзному договору. Согласно положениям договора, ситуация, требующая немедленного вступления Японии в войну, на настоящий момент еще не наступила. Однако я уверен, что вступление в войну, – исходя из следующих двух соображений: 1) моральных обязательств по союзному договору, возникающих вследствие просьбы Великобритании [о совместных действиях против германского флота – Э. Б.], и 2) выгод, состоящих в укреплении международно-политического положения Японии, которые Империя в этом случае может получить путем искоренения опоры германского влияния на Востоке, – является наилучшим политическим решением, соответствующим современному политическому моменту»⁶.

Другими словами, курс Като заключался во вступлении в войну в рамках, очерченных англо-японским договором. Министр иностранных дел полагал, что отношения с Великобританией должны оставаться главной составляющей японской внешней политики. Это была так называемая «теория жесткой ориентации на англо-японский союз» (НИТИЭЙ-ДОМЭЙ-КОЦУДЗУЙ-РОН). В данном контексте отношения с Китаем, США, Россией и Францией рассматривались в качестве второстепенных: они представляли собой не более чем производную от англо-японских. По утверждению Миякэ Масаки, министр иностранных дел Като надеялся на то, что Лондон молчаливо поддержит Японию в китайских делах и не будет возражать против усиления японского влияния в Китае⁷.

Тем не менее надежды Като на поддержку со стороны Великобритании не оправдались. Агрессивная политика Японии в Китае, отчетливо обозначившаяся уже в начальный период войны, привела к усилению напряженности между Токио, с одной стороны, и Лондоном, Вашингтоном и Пекином, с другой. «Владычица морей», хотя и будучи формальной союзницей Японии, не могла скрыть своего недовольства по отношению к столь резкому и бесцеремонному захвату Японией южных тихоокеанских островов и Циндао. Действия Японии, полностью игнорировавшие позицию китайской стороны, предоставили дополнительные аргументы для ее критики Соединенным Штатам, стремившимся усилить свое влияние в Китае путем продвижения политики «открытых дверей». В Китае, объявившем о своем нейтралитете сразу после начала военных действий, развернулось мощное антияпонское движение. С точки зрения держав, вступление Японии в войну в момент, когда в Восточной Азии образовался вакуум силы, было ничем иным, как «воровством во время пожара».

Японо-китайские переговоры, начавшиеся 18 августа 1915 года с вручения китайскому правительству так называемого «21 требования», еще более ухудшили имидж Японии в глазах Великобритании, США и Китая. Состоявшие из 5 групп требования, предполагавшие усиление позиций Японии на Шаньдунском полуострове, в провинции Фуцзянь, Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, ставили под сомнение суверенитет Китайской республики. 7 требований 5 группы, которые японская сторона впоследствии пыталась представить в виде «дополнительных», касались привлечения японских политических, экономических и военных советников к работе китайского правительства, что фактически лишало Китай статуса независимого государства. Реакция держав на «21 требование» была исключительно

⁵ Кадзима Мориносукэ. Дайитидзи сэкай тайсэн санка оёби кёрёку мондай (Участие в Первой мировой войне и проблемы сотрудничества) // Нихон гайко-си (История японской дипломатии). Т.10. Токио: Кадзима хэйва кэнкюдзё, 1971. С.5. Русский текст перевода японского ультиматума и манифеста об объявлении войны Германии см. в: Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1926). М., 1927. С.187.

⁶ Ито Масанори. Като Такааки (Като Такааки). Т.2. 1929. С.78-79.

⁷ Миякэ Масаки. Указ. соч. С.90.

резкой. В марте 1915 года правительства США и Великобритании направили в Токио официальную ноту протеста. Под этим давлением Япония вынуждена была отказаться от 5-ой группы требований. Заключенное 25 мая японо-китайское соглашение, несомненно, усиливало позиции Японии в Китае, однако в то же самое время необходимо признать, что японо-китайские переговоры поставили Японию перед реальной опасностью послевоенной изоляции⁸.

Рост критики по отношению к действиям японских властей со стороны держав сопровождался усилением антиправительственных выступлений в самой Японии. Значительная часть японских политиков не могла выказать своего сочувствия внешнеполитическому курсу Като. Непримируемую позицию по отношению к нему заняли члены Совета старейшин *гэнро*, по-прежнему сохранявшие в своих руках мощные рычаги воздействия на ход японской политики. Полагая, что внешнеполитический курс Като таит в себе большие опасности, *гэнро* постепенно приступили к действиям, направленным на смещение Като с поста министра иностранных дел. Их усилия получили полную поддержку со стороны Гото Симпэй, который также не мог взирать на происходящее безучастно.

Гото Симпэй, политик и дипломат

Гото Симпэй родился в 1857 году в провинции Иватэ, в семье самурая клана Мидзусава. После обучения в медицинской школе он некоторое время работал врачом, а затем поступил на службу в министерство внутренних дел. Именно в этом ведомстве он начал путь к своей блестящей политической карьере, занимая поочередно посты комиссионера МВД, заместителя отдела контроля санитарного-эпидемиологического управления, главы токийской санитарно-эпидемиологической лаборатории, директора оспо-прививочного центра. Занимаясь проблемами физиологии и гигиены, он пишет и публикует такие работы, как «Обычная физиологическая гигиена» («Фуцу сэйри-эйсэй-гаку», 1887 г.) и «Принципы государственной гигиены» («Кокка эйсэй-гаку», 1889 г.). С 1889 по 1892 год проходит стажировку в Германии, где получает степень доктора медицинских наук. По возвращении в Японию Гото занимает пост начальника санитарного-эпидемиологического управления министерства внутренних дел. В 1893 году Гото переводит с немецкого и издает «Ежегодник мировой гигиены» («Банкоку эйсэй нэнкан») и «Бактериологический справочник» («Байкин дзуфу»).

Уже на данном этапе формируются основные элементы политической философии Гото. Благодаря занятиям медициной, Гото впитал в себя, с одной стороны, научно-методический, а с другой стороны, органицистический подход к анализу политической действительности. Уже в «Принципах государственной гигиены» он пытается проанализировать стоящие перед японским обществом и государством проблемы и определить будущие линии развития Японии с биологической точки зрения.

С другой стороны, уже в этих первых сочинениях Гото отчетливо прослеживается влияние немецкой философии. Этому тоже есть свое объяснение: как известно, в области медицины немецкая научная мысль пользовалась особым авторитетом, и Гото, пойдя по этому пути, не мог не испытать ее влияния. Три года, проведенные Гото в Германии, еще более подстегнули его интерес к немецкой культуре и самым сильнейшим образом способствовали его становлению как личности.

С началом японо-китайской войны Гото назначается временным главой администрации карантинного отдела японской армии. Именно в это время судьба сводит его с Кодамы Гэнтаро (1852-1906), занимавшим в то время пост начальника карантинного отдела. Именно здесь он впервые встречается с Ито Хиробуми (1841-1909), в то время министром внутренних дел и главой администрации Тайваня: пользуясь моментом, он предоставляет на рассмотрение министра различные предложения и соображения, касающиеся проблем внутренней политики и вопросов управления колониями.

В январе 1898 года Кодама был назначен генерал-губернатором Тайваня, а Гото получил пост начальника управления гражданской администрации под «крылом» своего влиятельного протекже. Именно на Тайване в полной мере проявился талант Гото как управляющего и политика; именно здесь он в значительной мере расширил свой политический кругозор. В 1902 году он совершает свое первое кругосветное путешествие, посетив США, Англию, Францию, Германию и Россию.

С началом русско-японской войны Кодама был назначен начальником штаба главнокомандующего Маньчжурской армией, а в 1906 году сам стал верховным главнокомандующим. Продвигаясь в высшие эшелоны власти, Кодама продвигал вслед за собой и Гото. В апреле 1906 года Гото получил титул барона, а в августе 1906 года – как имеющий богатый опыт управления колониями, – по рекомендации того же Кодамы, становится директором управления Южно-Маньчжурской железной дороги. Благодаря Кодаме Гото вошел в близкие, доверительные отношения с самыми влиятельными представителями Совета старейшин *гэнро* – Ито, Ямагата и Кацура. В июле 1906 года генерал Кодама умер, а в жизни Гото начался новый этап.

После русско-японской войны Япония встала перед необходимостью активной колонизационной политики в Маньчжурии, и способности Гото оказались востребованными: в одно мгновение он превра-

⁸ Кадзима Мориносукэ. Сина мондай (Китайский вопрос) // Нихон гайко-си (История японской дипломатии). Т.10. Токио: Кадзима хэйва кэнкюдзё, 1971. С.11-21; Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906-1917 гг. Томск, 1965. С.507-510.

тился в одного из влиятельнейших политиков Японии. Стратегические интересы Японии в Маньчжурии пересекались с российскими интересами, что порождало необходимость выработки четкого внешнеполитического курса к новому «соседу». Именно Гото как глава ЮМЖД, имевшей огромное стратегическое значение для Японии, оказал ключевое влияние на формирование этого курса. Говоря иными словами, о необходимости русско-японского сближения одним из первых в Японии заговорил Гото, сумевший разглядеть из Маньчжурии огромное значение сохранения добрососедских отношений с Россией. Одну за другой он отправляет на имя *гэнро* докладные записки, в которых разъясняет необходимость развертывания активной «континентальной политики» с опорой на ЮМЖД, и еще более сближается с Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо⁹.

К этому моменту интеллектуальные поиски привели Гото к осознанию необходимости заключения Японией в будущем «континентального союза» (ТАЙРИКУ-ДОМЭЙ-РОН). К такой внешнеполитической концепции Гото подвела небольшая статья немецкого публициста Эмиля Шалька «Государство и природа» (Emil Schalk, *Staat und Natur*), с которой он ознакомился еще в бытность начальником управления гражданской администрации Тайваня. Испытав огромное впечатление от статьи, Гото немедленно попытался приложить «теорию германо-французского союза» Шалька к анализу международно-политического положения Японии в мире. Сначала, по аналогии с немецким публицистом, он пришел к необходимости заключения японо-китайского союза (НИССИН-ДОМЭЙ-РОН), а затем стал отстаивать формирование более широкого объединения континентальных держав. Результатом его многолетних размышлений стала так называемая «теория противостояния Нового и Старого света»¹⁰.

В сентябре 1907 года Гото встретился с Ито Хиробуми на острове Ицукусима близ г. Хиросима, где изложил ему основные моменты своей внешнеполитической концепции. По его глубокому убеждению, именно Китай должен был стать новой ареной политической борьбы. «Необходимо отдавать себе полный отчет в том, что борьба нового американского континента со старым евразийским – исключительно вопрос времени. Другими словами, китайский вопрос – сердцевина восточного вопроса, – в будущем выйдет за рамки внутрикитайских и японо-китайских дел и приобретет мировой характер. А так как Китай – это не только проблема отношений с Европой, но и проблема японо-американских отношений, чтобы быть готовыми к этому, нам ничего не остается больше, как укреплять сотрудничество с европейскими державами с целью предупреждения усиления в Китае американского влияния». Князь Ито выразил свое одобрение по отношению к новой внешнеполитической доктрине Гото¹¹.

Таким образом, можно сказать, что к осени 1907 года на основе геостратегического видения Гото во внешней политике Японии сформировался новый «континентальный» курс. Японское правительство избрало линию на усиление сотрудничества со странами Старого света и начало зондировать почву для «выравнивания» двусторонних отношений с Францией, Россией и даже Германией. Активизировавшиеся в 1908 году русско-японские переговоры были органической частью этой внешнеполитической стратегии. И подготовкой несостоявшейся встречи князя Ито с министром финансов Коковцовым в 1909 году в Харбине, и визитом в Россию в 1912 году премьер-министра Кацура занимался именно Гото¹².

Гото оказался в положении политического преемника Ито после внезапной смерти последнего. Гото не только больно ощущал свою ответственность за смерть Ито, но и чувствовал моральный долг продолжить дело, за которое погиб великий японский политик. По-видимому, такое чувство вины перед покойным Ито также немало подталкивало Гото к предпринятию все новых и новых попыток, направленных на осуществление его внешнеполитического замысла¹³.

Внешнеполитическая стратегия Гото Симпэй

Как уже говорилось выше, во время Первой мировой войны не занимавший никаких официальных постов Гото был своего рода «темной лошадкой», или «серым кардиналом», японской политики. После выхода из партии Досикай Гото стал фактически «свободным политиком», не связанным никакими политическими организациями. Несмотря на его сближение с фельдмаршалом Ямагата, его нельзя было назвать в полной мере членом «фракции Ямагата» («ямагата-бацу»): по-видимому, это было не более чем удобной для обеих сторон политической комбинацией.

После смерти одного из влиятельнейших представителей Совета старейшин – Ито и Кацура – Гото стал рассматриваться в качестве их законного политического преемника. Он заполнил собой образовавшийся политический вакуум, став, фактически, неформальным членом Совета старейшин: даже Ямагата не мог не считаться с ним при решении ключевых вопросов японской политики. С конца 1915 года, после смерти еще одного из *гэнро* Иноуэ Каору и с началом болезни Ямагата, именно Гото, сбли-

⁹ См.: Молодяков В. Э. Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть первая. Тайвань, 1898-1906 // Япония. Ежегодник. 2004-2005. М., 2005. С.272-287; Молодяков В. Э. Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть вторая. Маньчжурия, 1906-1908 // Япония. Ежегодник. 2005-2006. М., 2006 (в печати).

¹⁰ О влиянии произведения Шалька на Гото см.: Миякэ Масаки. Указ. соч. С.26-33.

¹¹ Цуруми Юсуке. Гото Симпэй. Т.2. С.964-970.

¹² См.: Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. С.11-90.

¹³ Цуруми Юсуке. Указ. соч. С.976-977.

жившийся к тому времени со ставленником Ямагата генерал-губернатором Кореи Тэраути Масатакэ (1852-1919), становится главой антиправительственных сил, стремившихся к свержению правительства Окума. Гото методично шел к власти, намереваясь привести в исполнение свои политические замыслы.

Его усилия увенчались успехом: в начале октября 1916 года, всего три месяца спустя после подписания русско-японского союзного договора, правительство Окума в полном составе ушло в отставку. В качестве своеобразного антипода последнего было образовано правительство Тэраути: в то время, как правительство Окума выступало в качестве олицетворения «партийной политики», правительство Тэраути в средствах печати сразу «окрестили» в качестве «антиконституционного» («БИРИКЭН НАЙКАКУ»). Образование нового кабинета министров символически отражало основные тенденции японской политики того времени. В результате политических метаморфоз конца 1916 года на смену либеральным, прозападным силам к власти пришли консервативные, националистические элементы¹⁴.

В то время, как кабинет министров Окума последовательно проводил курс на сохранение англо-японского союза в качестве стержня внешнеполитической стратегии Японии, кабинет министров Тэраути рассматривался иногда даже в качестве «пророссийского». Основания для последнего были более чем достаточные: премьер Тэраути оставался председателем, а министр внутренних дел Гото - заместителем председателя Японо-русского общества (НИТИРО-КЁКАЙ); кроме того на пост министра иностранных дел был назначен Мотоно Итиро (1862-1918), в течение 10 последних лет служивший делу нормализации русско-японских отношений в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла Японии в России. Центральной фигурой нового кабинета министров, его вдохновителем и идеологом стал «серый кардинал» Гото.

Гото занимал крайне критическую позицию по отношению к внешнеполитическому курсу, проводимому англофилом Като. С точки зрения Гото, и вступление Японии в войну, и «21 требование» были политическим просчетом японского правительства. Близорукость дипломатических инициатив Като была для Гото очевидна. По его мнению, к середине 1916 года международное положение Японии стало еще более сложным, нежели накануне войны. Летом 1916 года Гото опубликовал брошюру «Мое мнение о современной политической ситуации» («Дзикёку ни кансуру икэн но тайё»), в которой самым резким образом критиковал дипломатический курс Като: «Почему они так легко и необдуманно, без необходимой подготовки, принимают столь важные политические решения?! Почему, ради каких политических выгод, они бросились в огонь войны, объявив войну Германии?! Зачем нужно было делать то, что вызвало непонимание со стороны китайцев, породило страхи по отношению к японской политике среди американцев, и, фактически, поставило Японию по ее доброй воле на грань международной изоляции?!»¹⁵.

Гото полагал, что именно вопрос дипломатического курса по отношению к Китаю является главной проблемой японской внешней политики. На первый взгляд, общественно-политический хаос в Китае был выгоден Японии, однако, по мнению Гото, такое положение вещей неизбежно должно было привести страну к «самой страшной катастрофе». Он полагал, что китайская политика Японии должна преследовать не сиюминутные, но долгосрочные стратегические цели. Со времени назначения на пост главы ЮМЖД Гото свято верил в то, что в целях сохранения и расширения японской сферы влияния в Маньчжурии, Япония должна поддерживать добрососедские отношения с великой азиатской страной, которой являлся Китай. Не удивительно, что в его глазах китайская политика Като, полностью игнорировавшая Китай как самостоятельную политическую силу, выглядела как путь к дальнейшему ухудшению японо-китайских отношений, и, как следствие, ослаблению японского влияния в Восточной Азии. Стоявший на позициях «азианизма» («адзиасюги») Гото считал, что Япония, готовясь к послевоенной международно-политической ситуации, должна объединить свои усилия с Китаем с целью образования независимой оборонительной азиатской коалиции, которая сможет противостоять давлению «белой расы». В этом его мнение полностью совпадало с мнением фельдмаршала Ямагата¹⁶.

Гото не мог смотреть безучастно на проводимую Като проанглийскую политику. К середине 1916 года стало очевидно, что вступление Японии на стороне стран Антанты под предлогом выполнения своего союзнического долга по отношению к Великобритании не только не вызвало у союзницы чувства благодарности, но еще более усилило ее подозрительность. Гото писал: «Наша внешняя политика не только не демонстрирует никаких признаков обновления, но, напротив, нагромождая одну проблему над другой, закрывает перед Империей все будущие перспективы. Слова о том, что фундамент англо-японского союза становится все более крепким, а отношения со странами-союзницами – все теснее и теснее, остаются всего лишь удобной дипломатической формулой, не имеющей реального подтверждения. С другой стороны, никто не обращает внимания на то, что тут и там державы демонстрируют свои антияпонские настроения: и в Лондоне, и в Париже, и в Нью-Йорке наша страна пользуется дурной репутацией. С одной стороны, они открыто нахваливают действия, предпринимаемые Япони-

¹⁴ Асида Хитоси. Какумэй дзэнъя но Росиа (Россия накануне революции). Токио, 1950. С.163.

¹⁵ Дзикёку ни кансуру икэн но тайё (Мое мнение о современной политической ситуации) // Гото Симпэй мондзё (Архив Гото Симпэй). Гото Симпэй кинэнкан (Дом-музей Гото Симпэй г. Мидзусава). Токио, 1980. С.12.

¹⁶ Там же. С.2-6. Взгляды Ямагата отчетливо проявляются в составленной им в январе 1915 года записке о необходимости заключения русско-японского союза (Ямагата Аритомо. Нитиро домэй-рон (О русско-японском союзе) // Ямагата Аритомо икэнсё (Памятные записки Ямагата Аритомо). Токио, 1966. С.345-348.

ей как союзницей, а, с другой, не могут скрыть своего презрения и негодования к своему «желтому другу», который осмелился вмешаться в войну европейских держав»¹⁷.

С другой стороны, Гото усматривал историческое значение начавшейся мировой войны в кризисе Западной цивилизации, выражающемся, в первую очередь, в кризисе Британской империи. В работе «Японская экспансия» («Нихон ботё-рон», 1916 г.), написанной как раз в разгар войны, Гото утверждал, что мировая война «нанесла последний смертельный удар по потерявшей все признаки жизни «старческой цивилизации» XIX века и открыла путь к нарождающейся новой, молодой цивилизации XX века»¹⁸. По глубокому убеждению Гото, жизненные силы английской нации, ведущей себя в качестве повелительницы всего мира, были уже на исходе: «Кажется, что в настоящий момент Англия достигла крайнего предела в своей мировой экспансии и, судя по численности ее населения, размеру ее богатства, мощи ее политического авторитета и степени ее внутреннего развития, уже фактически завершила свою великую культурную миссию в деле управления мировыми делами. Причем, нужно признать, что завершенность эта подобна крайней степени перзрелости: Англия уже пережила свой расцвет и ее судьба клонится к закату»¹⁹.

Барон Гото считал, что ослабление Англии является прекрасным шансом для роста японского национализма, и, как следствие, расширения сферы влияния Японии в мировых делах. Япония должна ухватить эту прекрасную возможность и, подобно Германии, начать сначала путь к построению «мировой Японии» («сэкай но ниппон»), а затем решительно продолжить свое развитие на пути к «японскому миру» («ниппон но сэкай») – своего рода *Pax Japonica*. Гото верил, что начавшаяся мировая война открывает Японии путь к реализации ее исторической миссии. По его глубокому убеждению, «период ученичества», во время которого Японии взидала на Запад как на своего учителя, прошел, и для Японии «наступила пора возвратиться к своим истокам»²⁰.

Гото считал необходимым пересмотр англо-японских отношений, однако это не означало того, что он был ярым «англофобом». Гото просто-напросто остро чувствовал, что англо-японский союз уже не отвечает национальным интересам стремительно развивающейся Японской империи²¹. По-видимому, Гото, как никто другой, понимал значение англо-японского сотрудничества, однако он не мог скрыть своего неудовольствия по отношению к его «одностороннему» характеру; его крайне раздражало поведение японских политиков, из-за опасения международной изоляции «согласных пребывать в рабском положении, во всем подчиняясь другим, полностью забыв о своей самостоятельности». Больше всего его огорчало то, что японские власти «не могут жить своим умом»²².

Во время Первой мировой войны все усилия Гото были направлены на утверждение независимого и самостоятельного курса Японии во внешней политике. Основная цель Гото заключалась в том, чтобы, воспользовавшись ослаблением гегемона мировой политики Великобритании и играя на противоречиях держав, сделать Японию независимым «игроком» мировой политики. Другими словами, его деятельность была направлена на уменьшение зависимости Японии от Англии. Курс на «перераспределение зависимости» означал, в первую очередь, укрепление отношений с другими великими державами. Гото рассматривал в качестве потенциальных союзников Россию, Китай и Германию. «В силу того, что сотрудничество с иностранными державами, а, в особенности, духовное и политическое единение с Китаем и Россией, явно является недостаточно тесным», Япония, подвергаясь опасности международной изоляции, вынуждена была идти на поводу у других великих держав²³. Иными словами, Гото пытался разорвать «порочный круг» японской действительности, когда, с одной стороны, чрезмерная зависимость от Великобритании постоянно ставила Японию перед кошмаром изоляции в международной политике, а, с другой стороны, опасность изоляции, сковывая маневренность японской дипломатии, приводила к усилению ее зависимости от Лондона.

Внешнеполитический курс Гото по отношению к России

Общественно-политическая деятельность Гото во время Первой мировой войны формально была ограничена обязанностями и полномочиями вице-председателя Японо-русского общества в Токио. С момента назначения его на эту должность в 1911 году Гото прилагал немалые усилия к нормализации и развитию русско-японских отношений.

Гото был убежден, что в условиях, когда вся мировая система стоит на пороге кардинальной трансформации, Япония «не имеет права колебаться»²⁴. Путем сближения с Россией Япония должна была ослабить свою зависимость от «англосаксов», прежде всего от Великобритании. Гото, отстаивавший не-

¹⁷ Дзикёку ни кансүру икэн но тайё (Мое мнение о современной политической ситуации). С.13.

¹⁸ Гото Симпэй. Нихон ботё-рон (Японская экспансия). Токио, 1916. С.7-8; Он же. Тайсэнго но син-буммэй (Новая цивилизация после Великой войны) // Син-ниппон, апрель 1916. С.29.

¹⁹ Гото Симпэй. Нихон ботё-рон (Японская экспансия). С.199. См. также: Гото Симпэй. Тайсэнго но син-буммэй (Новая цивилизация после Великой войны). С.25.

²⁰ Гото Симпэй. Нихон ботё-рон (Японская экспансия). С.174-177.

²¹ Там же. С.177-178.

²² Там же. С.179, 230.

²³ Там же. С.228.

²⁴ Там же. С.199-200.

обходимость проведения независимой внешней политики, яростно критиковал тех, кто высказывал опасения насчет несовместимости заключенного 3 июля 1916 года русско-японского соглашения с духом англо-японского союзного договора. «Как только стало известно о конкретных проявлениях русско-японской дружбы, появились разные типы, сверх меры озабоченные тем, не задела ли Япония чувства Великобритании. Однако, следует ли японцам, считающим свою страну не только независимой, но и называющих ее одной из передовых держав, все время заискивать перед иностранцами?! Япония должна проводить такую внешнюю политику, в центре которой находится сама Япония!»²⁵.

Однако здесь нужно опять-таки отметить, что русско-японское сближение не было для Гото самоцелью: он всего лишь стремился к самостоятельной японской внешней политике, к независимому положению Японии на мировой арене. Его курс по отношению к России отчетливо проявляется в его статье «Последовательный курс на русско-японскую дружбу», помещенной в журнале «Тюо-корон» в октябре 1915 года. Гото в ней писал следующее: «На протяжении многих лет я говорил и продолжаю говорить о необходимости русско-японской дружбы. Однако, если вдруг речь пойдет о русско-японском «союзе», нам нужно будет предельно четко определить его границы и детально рассмотреть его содержание. Иными словами, согласиться на «союз» можно лишь после тщательнейшего изучения данного вопроса. Я не выступаю категорически против «союза», однако в то же самое время не считаю, что это должен быть обязательно «союз». Короче говоря, я являюсь последовательным сторонником русско-японской дружбы, и считаю, что нам следует относиться к проекту «союза» предельно осторожно, обсудив прежде всего самым серьезным образом его границы и содержание». В то время как один из лидеров японских националистов Утида Рёхэй отстаивал необходимость русско-японского сближения с точки зрения цивилизационной близости двух стран, Гото относился к таким взглядам довольно скептически. «Жизненный уклад японской нации и славян отличаются друг от друга, как лед от огня, и их гармония невозможна»²⁶.

Гото, последовательно рассматривая Россию в качестве противостоящей англосаксам силы, просто пытался использовать ее для повышения независимого статуса Японии в международной политике. Именно по этой причине, «цвет» правившего в России режима не имел для него принципиального значения. С точки зрения Гото, заключенный в июле 1916 года русско-японский союзный договор не должен был заместить собой англо-японский союз, но должен был изменить характер одностороннего англо-японского сотрудничества и повысить самостоятельность Японии в мировых делах. Иными словами, Россия привлекала внимание Гото в качестве противовеса Великобритании и США. Именно поэтому Гото рассматривал вопрос о степени влияния России – «традиционно являвшейся самой мощной антианглосаксонской силой» – в послевоенном мире в качестве «одной из главных мировых проблем»²⁷. Другими словами, Гото выказывал некоторое недовольство по отношению к идее русско-японского военно-политического союза, считая, что формула «просторной» «антанты», или «согласия», более соответствует национальным интересам Японии. В строгом смысле слова, он был в большей степени стоящим на патриотических позициях «анти-англофилом» («ХИ-СИНЪЭЙБЭЙ-ХА»), нежели «русофилом» («СИНРО-ХА»)»²⁸.

У русско-японского сближения существовала еще одна сторона. Дело в том, что, с точки зрения Японии, русско-японский союз помимо его самостоятельной ценности предоставлял также потенциальную возможность сближения с Германией: при известных обстоятельствах он мог перерасти в японско-русско-германский союз. Можно предположить, что уже в 1909 году в голове Гото созрела идея тройственного континентального блока. Известный немецкий геополитик Карл Хаусхофер (1869–1946), находившийся в 1909 – 1910 годах в Японии в качестве баварского военного наблюдателя, писал в «Континентальном блоке» (1941 г.), что Гото, бывший в то время министром путей сообщений, познакомил его с идеей континентального союза. Гото сравнивал будущий союз с русской тройкой: две, бегущие по сторонам лошади, сдерживают, когда нужно, и направляют бегущего посередине – самого прыткого и ретивого – коня. По его мнению, эта схема могла быть применима и к японско-германско-русскому союзу²⁹.

Уже в памятной записке, составленной им сразу после Синьхайской революции, Гото, указывая на то, что «Англия с каждым днем все более увядает», отстаивал необходимость сближения с нарастающей свое могущество Германией³⁰. По-видимому, примерно с этого времени Гото начинает последо-

²⁵ Гото Симпэй. Нитиро кёяку ва нитигэй домэй но какутё нари (Русско-японское соглашение – продолжение англо-японского альянса) // Нитиро дзицугё симпо, август 1916. С.5.

²⁶ Гото Симпэй. Доко мадэмо нитиро синдзэн-рон (Последовательный курс на русско-японскую дружбу) в «Нитиро домэй кахи-рон» («Дискуссия о целесообразности русско-японского союза») // Тюо-корон, 01.10.1915. С.72-73.

²⁷ Гото Симпэй. Нихон ботё-рон (Японская экспансия). С.199.

²⁸ Гото Симпэй. Нихон-ботё-рон (Японская экспансия). С.179. О перемене взглядов Гото по отношению к Великобритании во время Первой мировой войны см.: Иносэ Кумиз. Гото Симпэй но гайко сэйсаку (Дипломатия Гото Симпэй) // Дзидай но сэнкакуся Гото Симпэй: 1857–1929 (Гото Симпэй – пионер эпохи. 1857–1929). Под ред. Микурия Такаси. Токио, 2004. С.136-138.

²⁹ Karl Haushofer, *Der Kontinentalblock: Mitteleuropa – Eurasien – Japan*, Munchen, 1941, p.11. См. также: В. Э. Молодяков. Гото Симпэй и Советская Россия. С.3-4.

³⁰ Гото Симпэй мондзё (Архив Гото Симпэй). R–69.

вательно проводить в жизнь линию на японо-германский союз, однако напряженность в японо-германских отношениях и пути англо-японского союза не позволяли реализовать этот план³¹. Возможность нормализации отношений с Германией – путем русско-японского союза – вновь забрезжила перед Гото в 1916 году.

Вышеуказанное еще раз со всей очевидностью показывает, что русско-японское сближение не являлось для Гото самоцелью: его усилия были направлены на союз с Германией, к которой он испытывал сильные симпатии. Собственно говоря, даже в сравнении японо-германско-русского союза с тройкой скрываются крайне нелицеприятные для России моменты: в тройственном союзе ей отводится место своеобразного тарана; именно на нее падает выполнение самой тяжелой работы. Естественно, что наибольшие выгоды от такого «союза» должны были получить Япония и Германия: они бы не только избавились в таком случае от «русской угрозы», но и получили бы возможность использования российской мощи в своих целях. Неудивительно, что этот план и впоследствии не встретил большого сочувствия в России.

Во время Первой мировой войны вокруг Гото образовалась влиятельная группа «германофилов». В их число вошли публицист и владелец журналов «Дайсан тэйкоку» («Третья империя»), «Кодзуй иго» («После потопа») и «Нихон хёрон» Каяхара Кадзан (1870–1952), вышедший вместе с Гото из партии Досикай политик Накасёдзи Рэн (1866–1924), член парламента Нагасима Рюдзи (1878–1940). С их точки зрения, англо-русская антанта была обязана своему появлению временному, случайному совпадению интересов двух стран. По их мнению, Россия исторически «находится в неразрывной связи» с Германией: после мировой войны все снова вернется «на круги своя», и мир вновь станет свидетелем русско-германского сближения³². Такое геополитическое видение отчетливо проявляется в словах правоведа Тэрао Тору (1859–1925): «Размышляя о будущей политической ситуации в мире, следует, прежде всего, признать, что англо-русская дружба долго не продлится. Их коалиция держится исключительно на том, что у них есть общий враг – Германия. После восстановления мира в Европе русско-британские интересы столкнутся в самых различных точках. В действительности, Англия является для России извечным врагом»³³. С точки зрения «германофилов», сближение с Россией открывало возможность восстановить дружественные отношения с Германией и являлось предвестником японско-русско-германского союза.

Японские «германофилы» видели в новой русско-японской конвенции желание прогермански настроенных российских политиков заключить сепаратный мирный договор с Германией. Только так, на их взгляд, можно было объяснить ее смысл и значение. Пользовавшийся доверием Гото Каяхара Кадзан, усматривая за русско-японским соглашением тень японско-русско-германского союза, писал: «А что, если Россия уже имеет договоренность с Германией, и русско-японское соглашение было подписано в качестве предпосылки к заключению русско-германского сепаратного мирного договора и предпосылки к созданию японско-русско-германского союза? Если это так, нужно признать чрезвычайную дальновидность такой дипломатической стратегии. Это означает то, что намечается интересная драма, в ходе которой Япония, Россия и Германия собираются разделить между собой наследие Британской империи. Для этого Россия, получив свободу действия в Персии и Индии, должна прежде всего заручиться словом Германии не заключать договоров, направленных против нее. Заручилась ли Россия поддержкой Германии?.. В это нельзя легко поверить. Если в это нельзя верить, русско-японское соглашение не имеет большого смысла»³⁴.

С точки зрения Каяхара, русско-японское соглашение, фактически, объявило, что «США являются врагом Японии», а «Англия является врагом России», и, в этом смысле, оно должно было хотя бы временно сблизить интересы США, Великобритании и Германии. Именно поэтому Россия и Япония для того, чтобы избежать международной изоляции, должны были включить в свой союз Германию. Каяхара полагал, что в этом русско-японском сближении, открывающем путь к послевоенному Тройственному японско-русско-германскому союзу, кроются ростки нового международного порядка, который должен был родиться из лона Первой мировой войны³⁵.

³¹ Концепция Гото в отношении японо-германского союза изложена в следующих работах Кобаяси Митихико: Нитиро сэнгэ но нитидоку домэй-рон (Теория японо-германского союза после русско-японской войны) // Нихон рэкиси (История Японии), № 532, сентябрь 1992. С.85-87; Гото Симпэй но тайрику сэйсаку (Континентальная политика Гото Симпэй) // Дзидай но сэнкакуса Гото Симпэй: 1857–1929 (Гото Симпэй – пионер эпохи. 1857–1929). С.130-131.

³² Нагасима Рюдзи. Родоку канарадзу тэйкэй сэн (Россия и Германия обязательно сблизятся) // Нихон оёби нихондзин, № 671, январь 1916. С.451.

³³ Тэрао Тору. Эйкоку ва сюсэй но тэки (Великобритания – вечный враг) в «Нитиро син-кёяку-рон» («О новом русско-японском соглашении») // Кодзуй иго, апрель 1916, №11. С.9. См. также: Суэхиро Сигэо. Домэй тэйкэцу но ёнаси (В заключении русско-японского союза нет необходимости) в «Нитиро домэй кахи-рон» («Дискуссия о целесообразности русско-японского союза») // Тёо-корон, 01.10.1915. С.66; Каяхара Кадзан. Имин мондай то нитибэй сэно (Иммиграционная проблема и японо-американская война) // Нихон хёрон, №22, 01.02.1917. С.117.

³⁴ Каяхара Кадзан. Нитиро кёяку то кокусай сэйкёку но хэнка (Русско-японское соглашение и изменение международной ситуации) // Нихон хёрон, 01.08.1916. С.7.

³⁵ Там же. С.4-8. См. также: Он же. Нитиродоку сангоку домэй: Осю тайсёнгэ но нитиродоку домэй-рон (Тройственный союз Японии, России и Германии: О русско-японско-германском союзе после Великой европейской войны) // Нихон хёрон, 01.02.1917. С.113-114; Нинагава Арата. Родоку моси тандоку кова сэба (Если Россия и Германия за-

Иными словами, предполагалось, что русско-японское сближение получит свое завершение в форме японско-русско-германского союза. Русско-японский союзный договор 1916 года воспринимался в качестве части фундамента нового международного порядка. Именно поэтому многие японские политики высказывались против включения в него пункта о том, что предполагаемым противником России и Японии является Германия. «Германофилы» считали, что сам по себе союз с Россией не имеет большого смысла.

По-видимому, именно в Каяхара органично сочетались позиции Ямагата и Гото. Можно считать, что именно он со страниц своего журнала подготовил идеологическую почву для нового кабинета министров. Он с огромным энтузиазмом воспевал «политику мудрецов» (ТЭЦУДЗИН-СЭЙДЗИ), которая должна была прийти на смену «прогнившему парламентаризму», и приветствовал переход от «партийной системы» к «бюрократической». И Гото, и занявший пост министра сельского хозяйства Накасэджи находились в дружеских отношениях с Каяхара, поэтому образование «неконституционного» кабинета министров Тэраути в японской печати оценивалось как конкретизация взглядов известного публициста³⁶.

Кабинет министров Тэраути в основном был создан в соответствии с линией Гото: фельдмаршал Ямагата по причине своей болезни постепенно утрачивал свою руководящую роль в японской политике³⁷. В новом кабинете министров именно Гото, связанный тесными личными отношениями с премьером Тэраути, министром иностранных дел Мотоно и министром сельского хозяйства Накасэджи, обладал самым большим влиянием. Несмотря на то, что Мотоно и Тэраути были «людьми клана Ямагата», Гото, не принадлежащий ни к каким политическим группировкам, имел возможность занимать независимую позицию по всем вопросам. Все трое последовательно поддерживали курс на русско-японское сближение, однако в то время, как Мотоно и Тэраути оставались послушными исполнителями воли «старейшин», Гото упрямо продвигал свою внешнеполитическую линию, направленную на нормализацию отношений с Германией. Заключение японско-русско-германского континентального блока рассматривалось тогда им в качестве одной из возможных альтернатив.

Заключение

Размышляя о внешнеполитической стратегии Гото во время Первой мировой войны, нужно иметь в виду несколько факторов. Во-первых, нельзя игнорировать влияние геополитической схемы, сформировавшейся под воздействием «принципа Шалька» еще до начала войны и получившей известность в качестве «теории противостояния Нового и Старого света»: по мнению Гото, для того, чтобы Китай не подпал под влияние «посторонних держав», под которыми он понимал прежде всего Соединенные Штаты, Япония должна была объединить свои усилия с соседними континентальными странами. Этот принцип оставался на протяжении всей жизни одной из составляющих «научного внешнеполитического подхода» Гото.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что его внешнеполитическая картина мира испытала некоторую трансформацию во время Первой мировой войны. Разразившаяся «Европейская война» усилила в восприятии современников ощущение кризиса Западной цивилизации и подстегнула национализм в различных частях планеты, в том числе и в Японии. Эта тенденция отчетливо проявилась и во взглядах Гото во время войны, наиболее отчетливо выразившись в его сочинении «Японская экспансия», увидевшем свет в феврале 1916 года. Упадок «европейской цивилизации» воспринимался Гото прежде всего в качестве кризиса Британской империи, поэтому пересмотр англо-японских отношений стал, по его мнению, насущной необходимостью. Гото считал, что путем ослабления зависимости от Англии Япония может достигнуть самостоятельности в международных делах, а усиление двусторонних связей с Китаем и Россией поможет повысить ее статус как мировой державы. Для Японии, стоявшей перед опасностью послевоенной международной изоляции, курс на сближение с Россией казался крайне выгодной и дальновидной внешнеполитической стратегией. Тем не менее Гото не был «русофилом»: он просто считал, что «веку Британии» в мировой политике пришел конец³⁸.

С другой стороны, во внешнеполитическом мировоззрении Гото отчетливо проявляются «германофильские» нотки. По его мнению, «упадок Англии» означал в то же время усиление Германии, поэтому он считал возможное сближение с последней стратегически выгодным. Русско-японское сближение открывало путь к такому японо-германскому союзу.

В 1916 году своеобразная внешнеполитическая стратегия Гото практически совпала с международно-политическим видением князя Ямагата и на некоторое время стала определяющим внешнеполитическим курсом японского правительства, однако международная ситуация резко изменилась в результате Февральской русской революции, и идея японо-германского союза на долгое время должна была уйти в тень. Должна была претерпеть серьезные изменения и внешнеполитическая позиция Гото по отношению к России.

ключат сепаратный мир) // Гайко, 01.01.1917. С.13-16; Кэмуяма Сэнтаро. Нитиродеку домэй-рон (Рассуждая о японско-русско-германском союзе) // Юбэн, 1917 (новогодний выпуск). С.48-49.

³⁶ Окура Сохо. Каяхара Кадзан си сайкин но сэйдзи сисо (Современная политическая философия Каяхара Кадзан) // Нихон хёрон, № 21, 01.01.1917. С.167.

³⁷ См.: Китаока Синъити. Указ. соч. С. 156-164.

³⁸ См. подробнее: Baryshev E. Theory of Civilizations as a Background of Russo-Japanese Rapprochement during the First World War // Slavic Studies, No.52 (2005), pp.205-240.